

Мамочке, Опе, Антону
от автора с любовью
и признательностью!
Новых проектов и грандиозных успехов!
22.02.2020
М.Сладкова

Маргарита Сладкова

Болеро

Издательские решения
По лицензии Ridero
2019

УДК 82-1
ББК 84
С47

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Сладкова Маргарита

С47 Болеро / Маргарита Сладкова. — [б. м.] : Издательские решения, 2019. — 90 с.
ISBN 978-5-0050-6880-4

«Болеро» — третий сборник прозаических и поэтических миниатюр и текстов. Констатирующий слог, иногда откровенно чувственный, иногда медитативный — таков букет эмоционального натяжения и притяжения. Отстранившись, не удаётся устраниваться — глубинный нерв вовлекает в свои интерпретации отношений с формой, пространством, временем и словом.

**УДК 82-1
ББК 84**

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0050-6880-4

© Маргарита Сладкова, 2019

К юбилею моей мамы
Сладковой Аллариады Леонидовны

«ДЕЛЕНИЕ СЕРДЕЦ НА КАПЛИ...»

*(о книге и поэзии вообще Маргариты
Сладковой)*

Её слово, как магическое заклинание, тягучее, загадочное. В попытке поймать конкретную мысль понимаешь, что ловишь не то, что главным оказывается скрытая мелодия, поток ощущений. И лишь когда набираешься смелости и входишь в этот поток, появляется наконец-то ясность, что вот они и смыслы, и цели, и вообще определяющие настройки бытия.

*«...И по закону выбывшего времени, застывшие без
света и движения,
затягиваются нехотя в спиральные воронки...»*

Играть словами и в слова нас учит время. От прошлого к будущему через настоящее — но это лишь видимый вектор и потому очень простой и привычный. «Время — река» — многовековой штамп сознания. С той только разницей, что «не войти в одну и ту же реку дважды», а «время вспять не воротить». Аксиомы, ставшие краеугольными камнями в понимании нашей собственной истории от глобальной до личной. И как следствие — массовый фатализм и поклонение Судьбе. А что если время, как клубы дыма, состоит из бесконечного числа маленьких закручивающихся торнадо, в целом двигающихся в одном направлении, но при определённой сноровке и приложении усилий можно двигаться в совершенно любом направлении, даже против течения. Или от будущего к прошлому с полным погружением. Так как это делают на больших извилистых реках Сибири ханты и лесные ненцы — которые при необходимости, сплаваясь вниз по течению, вдруг оказывают-

ся чуть ли не у истоков реки. Это делают немногие. Но и путешествовать по времени могут только избранные...

«...Но бесконечность мёрзлой прозы проседает...»

Мне нравится разгадывать её головоломки — они как кирпичики странного, но такого притягательного мира — другого, неаналогичного. Существующего, отличного от моего, но безумно заманчивого. Наши собственные бесконечные миры соприкасаются, пересекаются и никогда не смогут поглотить друг друга. Но... те крупницы истины и понимания, которые ловлю при пересечениях наших путей, уже становятся моими, а вместе с ними моя бесконечность насыщается, заполняясь обогащённой рудой. Вот что творит общение через поэтическое слово. Вот что формирует истинный опыт мудрости времени. И я совершенно уверена в том, что у Поэзии гораздо больше сил и возможностей на такое воздействие. И ещё так остры ощущения при постижении другого через противопоставление... через частицу — НО...

«...Как будто тишина, но ясно слышу — есть звучание листвы в движенье голых кружев...»

Тонко вывязанные образы — пленяют. Они расцветивают мир и позволяют окончательно оформить собственные ещё неясные восприятия и оценку. С ними соглашаешься с радостью, потому что не важно, что первым этот образ чуда обозначил кто-то другой. Он сразу же при прочтении подсознательно присвоен: «Ага! Вот оно! Это мои мысли, это мои чувствования...» И в итоге появляются любимые запомнившиеся строки, любимые стихотворения, и поэт становится близким-близким, сумевшим выстроить тропинку именно к твоему сердцу. Но! Бедный поэт, сколько сил у него уходит на это строительство.

*«Ты должен был исчезнуть (не сопротивляйся,
бесполезно).*

*Пункт так и назван «исчезновение (испарение
искушения)»*

Эти потрясающе-удачные попытки расширения границ слова синонимами, уточнениями вызывают тихую зависть к бесстрашию поэта, потому что это он сам до последнего скрипа, до надлома прочных косяков распаивает дверь в свою душу, в своё сердце. А иначе страшно от предчувствия внутреннего взрыва. Инстинкт самосохранения? Возможно... Только тут спасение едино и для говорящего слово, и для слушающего его.

*«...Теперь не влезаю в одежду из собственной
кожи —
накачаны мышцы души...»*

Это — интуитивная подсказка. Надо отпустить личные страхи, и с ростом собственной души нужно просто менять свои внутренние одежды. И либо делать это чаще, либо вообще отдать предпочтение свободным струящимся потокам, главное чтобы они были чистыми, может быть светлыми, может быть радужными. В идеале — белыми. Но, как это сложно! Как просто испачкаться...

*«И многократно приближаемая ложь
невыносимо жжёт и разъедает зрачки и ноздри...»*

Поэт — как камертон точности и правильности настройки мировой музыки. Обнажённость, это не способ доверия миру, это — отчаянная и вроде бы бесперспективная попытка сделать этот мир чище. Но вот что странно — в радиусе ауры поэта, его книг, его стихов, этот процесс всё-таки идёт. И потому так нужны личные встречи и книжные тиражи.

«...это — бесконечно далёкое прошлое только что договорённого слова и ужас пропасти между ним и следующим». («Я-отражения»)

Вот она — острота Слова и чувства ответственности за сказанное. Увы, большинство бед сегодня как раз от недостатка этого чувства... Ответственности... За собственные слова... И получается, что эти стихи — не угода модному сегодня выставочному показу собственного «Я», не уход в мир собственного эмпирия, не наивные философствования, а глубоко прожитая, прочувствованная боль от происходящих процессов разрушения личности человека, когда его бесконечность вдруг начала терять свою целостность и стремится к съёживанию в одной маленькой точке.

Так никто не пишет, кроме неё. В этом и плюс, и минус. Плюс — потому что заставляет воспринимать как достаточно уникальное явление, и видеть «лица необщего выражения». Минус, потому что очень сложно пробивать устоявшуюся косность восприятия и ожидания от того, что принято называть «поэзией». Эта проблема лежит в природном устройстве человеческой психики. Чаще, устоявшейся природе легче выжить. Но... Гении рождаются только там, где есть склонность к постоянному обновлению, к пластичности. Рискованно, опасно, но зато таит невероятные возможности.

Однако у «минуса» есть возможность перейти в противоположное качество, когда стена привычного восприятия рухнет под напором мыслей и смыслов, заложенных в строки этих стихов. И тогда эта глубина становится собственной, и этот опыт постижения жизни превращается в личный. Мне очень близок и дорог поэтический мир под именем Маргарита Сладкова. Надеюсь, что и тебе, читатель, захочется обогатить своё внутреннее пространство тонкими наблюдениями и выстраданными истинами этого удивительного поэта.

Татьяна Юргенсон, член СПР.

ВРЕМЕНА ГОРОДА

Новых признаний

летающими взглядами.

Улиц всё новой и новой геометрией.

Тальми сказками.

Белыми строками.

Очарованьем суровых мерностей.

Золота чернью.

Оби пробуждением.

Саженцев упрямым бытованием.

Превращением

города в лестницу и

колеса обзора квантованием.

Я этот город.

Место встречи.
Осиновые колья вех.
Безумства, бегства и паденья.
Деление вины на всех.
Деление ветвей на сучья.
Деление сердец на капли
слёз ли, крови — ни одно не лучше.
Поможет это? Вряд ли.
Периодическое забытьё
усилий воли.
Периферическое мнимое кино
немое... не моё... не мне... не он...
И снова липнет маска-клон.
И снова силы (ниоткуда).
Как будто новый день...
Но осень. Осень. Сень. Сень. Сон.

Занесённый мёрзлым сахарным песком двор,

сам себя разлюбивший от недостатка света...

Отёкшие оконные линзы заняты только

преломлением зеркал души...

И более чем неважно, с чем сочетается

юбка из кожи невнятно-болотного цвета —

планка, в принципе не состоящая из ступеней,

упала. Пиши-не-пиши...

И только тонкий слой застывшего желтка,

с трудом высосанный жадным глазом

щекочет загривок, солнечное сплетение и,

собственно, Дантьянь. Зараза.

Камень. Стекло. Обезличенный блик.

Дуновение сна...

Вдоль. Поперёк. Беспросветный тупик.

Временна'я дыра...

Вдрыг и взлёт брызжет мысль из дупла
беспощадных ос...

Звон... И слова исключений из «правил» –
безнадёжное «sos»...

Вечный вопрос льётся мутным вином,
обещая дно...

Где же – она?! Или – Он? Или – оно?

ПОТОКИ

Размыты пунктиры, разрезаны просевшие линии живущих
в затерянных дебрях...

Стекают в никуда, в беспочвенную глубь не ставшие живыми
густые силикатно-матовые капли, не в силах ни расползтись, ни
поглотиться...

И по закону выжившего времени, застывшие без света
и движения, затягиваются нехотя в спиральные воронки...

А взгляды ищут выпирающие новые, тоже вопиющие, ланд-
шафтные детали и линии над привычной лесо-полосой...

И звуки изменённых состояний дают пространству плотное
количество вопросов и тихую надежду.

(п. Локосово)

АПРЕЛЬ, – 16

(16+)

Метёт.

Хмельной полёт в неясной перспективе...

Зима развязным хохотом бросает вызов в лицо
горстями талой пыли колкие насмешки.

Но бесконечность мёрзлой прозы проседает...

Война за рубежи сменяется затишьем
на самой глубине разменянного сердца

и ожиданием беспечных чистых звуков

в ответ на учащённое биенье мысли.

Но это всё потом... Сейчас

взгляд жадно тычет времени завесу –

«Ещё!»

ВРЕМЕНА ГОДА ПО-СУРГУТСКИ

Временной коридор.

Бледнокожий террор северян.
Лето жжёт.

Слишком малое время
в этом сквере просторном
лавки сухие.

Рыбаки в замешательстве —
лёд не окрепший.
Зима опоздала!

А весна — это сон
с бесконечной погоней за ней.
Душа в нетерпенье.

Покрылись золотой пылью одежды лета.

Богатством цвета возгордись, взорвались светом!
И в переполненных теплом эмоций душах,
звучат оркестрами сердца в концертах «Лучшее...»
Воззрел, сказал или запел от чуда жизни каждый.
Так мастером, поэтом, мудрецом становятся
однажды.

Первый снег удивляет

последнюю зелень морозной опушкой...
Охлаждено погладив «по шерсти»
«пургу» шепчет в ушко,
воркует ванильно-ватно о скорой близости
тепла, солнца света...
Но всем понятно — песенка лета спета.

Тебе уже тепло и запах поздних трав

ты хочешь отпустить на волю, в небо.
И белый пух зимы — земное покрывало
тихонечко сползло на время в небыль...
Откуда этот звук? Никто его не спел,
и явно слух его не обнаружил.
Как будто тишина, но ясно слышу — есть
звучание листвы в движенье голых кружев...
Наверное, капель малиново звенит,
а может, ветерок выводит свой этюд органной.
И вместе всё собой меня к себе манит,
пьянит, как миг любви, как образ долгожданный.

Прощально оплывает серый снег,

народ со смело непокрытыми головами,
весенний ветер, вызывающий солнца свет,
и всё это вперемешку с твоими словами.
Звуки громче, ярче, чётче силуэты...
Зима? Это уже из прошлой жизни.
Дыхание сливается с дыханием планеты
и ловит солнечных зайчиков —
твои будоражащие мысли.

Вышиваю гладью неба отражения,

облачную пену,
птиц и волн скольжение,
бесконечность круга,
глубину высот,
откровенных звуков тихий переплёт,
искры звёзд невидимых,
коридор проточный,
ночь едва раскрывшихся
терпеливых почек...

Клеверово ковровое,
одуванчико-диванчиковое,
самолётно-бирюзовое,
речисто-разливайчиковое...
Тихо-белосонное,
погодно-непостоянное,
изначально-укороченное,
само-себя-неузнаваемое.
Лихорадочно-неуспеваемое,
простое и загадочное,
нежно-снежно-измеряемое,
бесспорно-недостаточное!
Непосвящённым непонятное
ожившее-витражистое,
условно-состоявшееся —
Сургутолетнее-игристое.

ПРОШЛОГОДНИЙ СНЕГ

Сонного времени ход
сиротливо опыляет секунды,
влипая в кашпо удивлённой красавицы юкки...
Усилие воли выдвигает салатную ветвь
в направлении к свету,
отчасти свободных от наледи окон...
Золотой оленёнок в сенно-знойной листве,
забытый на нитке,
в давно пролетевшие мёрзлые праздные дни
куда-то спешит...

ЛЮБОПЫТСТВО

Ускользящим бликом
во вчерашнее время
завалилось сегодня.
Уцепившись в шершавый
истоптанный краешек
сизого вечера
отрешённо болтается,
уподобившись мерному шагу,
чтоб зачем-то увидеть
ещё не проросшее завтра.

БОЛЕРО

НОЧЬ-В-НОЧЬ

Старательно подправлена история.
Зашлифованы шероховатости.
Но самое беспощадное не тронуто.
Оставлено на десерт:
из солёной хлебной массы
лепятся морские камешки,
заливаясь бледной глазурью цвет-в-цвет.
Гладкий, прозрачного стекла бокал,
играющий для них роль формы,
транслирует в мир беспечно-молочное эскимо –
взбитое, цельное, безупречное.
Как нечастого солнечного утра намёк.

ТАЙНОЕ СИЯНИЕ ПАНДЕРОЗЫ

Оседают ворсинками шорох разбуженный.
Невозможная мякоть предложена небу.
Тужайший мысок раскосо и восторженно
обжигает свою идеальную форму.
Во взгляде минимум любопытства,
слёзы — то ли горечи, то ли эфира,
то ли под дождём качается, умытое
златоглазое древо Божественных символов.

Дважды утро.

Но четырежды ночь не уходит.
Преследует бледностью черт в отражениях.
Узнаю себя последовательно и медленно,
натыкаясь на рёбра вопросов, звонков
и предметов.
Губы – стиснутые рукопожатия.
Пусть этим будет всё сказано.
И за кадром останется я-ночь.
И дважды утро
не начавшееся.

Прошёл в себе.

Тщательно обходя ненужные и неудобные
стекло, хрусталь, фарфор... — якобы не повредить...
Так и стоят. Премиленькие и разнообразные.
Смотреть приятно. Звучат благозвучно.
Якобы целые...

БЕЗ ВАРИАНТОВ

Ты должен был исчезнуть (не сопротивляйся,
бесполезно).

Пункт так и назван «исчезновение (испарение
искушения)».

Не мной он прописан (выписан, выточен, источён).

По-другому не бывает (убывает, убивает, забывает).

Я смиренно принимаю (открываю, закрываю,
задвигаю).

Только взгляд свой сложной траекторией
летающий за тобой ловлю, как бабочку.

И мысль держу на жёстком и коротком поводке.

Вписаться

в утверждённый штатный текст
сложнее невозможности войти
в забытые крест-на-крест двери
(украшенные для маскировки
амбарным ёлочным венцом),
открыть которые надежды нет —
в пространстве створки растворился ключ
из автора и адресата,
разрозненно и отрешённо прозябающих
вне лона, вне идеи
пронзить и раствориться.

ПОСТФАКТУМ

*Наша память — лом
Ценных цветных металлов.
Не избавиться просто так.
(Т. Юргенсон «Письмена на облаках»)*

Из смолы, иголок и желчи
испить напиток предложен.
Отказ — не в чести.

Оплеухи событий.
Теперь не влезаю в одежду из собственной кожи —
накачаны мышцы души.

Возврат невозможен.
Оставляю свою правду с ложью.
Другие ищу.

Судьбе благодарность.
Когда бы узнала — кто друг...
На крыльях лечу!

ТОЛЬКО СПОРТ

Выносливость, растяжка, гибкость тела мысли,
этюды акробатики ума —
и, на какие-то мгновения, ты уклоняешься
от жалящих лучей сигнализаций
расставленных ментальных дружеских ловушек...
Пора расслабиться. Движение уже опасно.
Показан только электросон.
Как будто он... Как будто гладко...
Но что-то снова заставляет вертеться, мешая
отдыху —
невидимый горох намял бока и ночью...
Ты уворачиваешься — снова коротит.
Спротивляться бесполезно.
Пока не обозначится другая, — эту
опять и снова будут проверять на подлинность.
Рекомендуется побег.

И взгляд обманчив чаще, чем правдив.

Контексты мимики несчётны.

Поверишь слову — берегись — обманут словом.

Улыбкой рта придержано, но всё-таки излито
недержание ума.

Ужимистые пальцы отвечают за лепнину...

Походкой радостной не скроешь сути дна.

А трещины изделий не свалить на марку глины.

И только разряжённость околосердечного
пространства

даёт понять где истина, где шарлатанство.

БОЛЕРО

Уподобившись мысли,
взбешённой в потоке информационном,
выбивает дробь сердце,
творя колоколов набором коллекционным.
Бьёт безжалостно,
выписывая неизученным своим телом
формулу «восстания из неживых живых»
по белому белым:
Непроизносимое имя. Псевдоним. Отечество...
но смыслы сомкнуты...
Надо продолжать! Да...
футляры вьелись. Моря разлиты. Время схлопнуто.

Погружаюсь в бесполезный блеск

алмазной пыли, печатей и нелепых цепочек
превращений.

И многократно приближаемая ложь
невыносимо жжёт и разъедает зрачки и ноздри.
Минуя относительно беспечное пространство
в условиях реакций и распада
наконец-то натываюсь на себя
на кончике резца — в начале собственных
интерпретаций
в божественном безумстве выбранного варианта.

Растаяла опустошенность истончённых мыслей.

Оживший вдох безумствует, осуществляя соло
в попытке сделать новый выбор в прочтении
письма,
летающего в рассыпанных мгновеньях.
Уже протянута рука к мелованной бумаге и...
глянец принимает новый символ в вечность.
Куражатся черта и время, не в силах отказаться
от полёта,
и небыль оживает на линиях забытых и нетронутых
путей.

Пусть невозможно сложно согласиться

и с суетливым сумасбродством,
и с запоздалым пониманием вещей,
и с переходом с ними, наконец, на «ты»...

Насмешливо гудят, роятся и жужжат,
друг друга жая и уничтожая
такие ясные, но в сущности уже не нужные
желанья...

И очень трудно в этом ворохе осеннем
увидеть — так какие же в приоритете...

Одно желание: идти по ним, шурша.

И поднимать, как маленькие смерчи, время.

Обломки

матовой то мелкой, то каменной россыпью.
Лавина финиширует победу:
очистился от устаревших связей
корнями перекрещенный участок жизни.
И оголённый нерв взрывает кожу земли,
настойчиво ухоженную с таким стараньем,
что слиплись неживые и живые персонажи
в бесцельный неподъёмный ком.
Морским узлом затянуты прерывистые вдохи.
Но эта иллюзорная заслонка не может удержать
тоскливый плач по разлетевшимся ещё живым
обломкам.

Я-ОТРАЖЕНИЯ

- Это — дождь всевидящих чёрствых потоков
матричной зелени, питающих корневые ошибки
и ошибочные попытки их исправления;
- это — ползучее событие, по пути отшелушивающее
свои покровы, прикрываясь случайными
фиговыми листьями слоистой истории то ли
болезни, то ли любви;
- это — многообещающее затягивание в сон
и отрезвляющие пробелы холода в не собой
зачатом дне;
- это — непредвиденное оттаивание своей природы
сквозь скрип продираний через лабиринт
собственных метаморфоз напрямую;
- это — мнимое право управлять невидимым
и непостижимым;
- это — зудящий свист от вращения вокруг своей оси
и сканирования пространств окружающих
закрытых миров;
- это — бесконечно далёкое прошлое только что
договорённого слова и ужас пропасти между
ним и следующим.

ПРЕДГЛАЖЕНИЕ

ИМЯ ОСУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

NMR COALFECTIBNTERPHOE

ПРЕД СКАЗАНИЕМ

Любовь созерцала и размышляла — каким способом спуститься на землю в этот раз, и её

образ, взволновавшись, — встраиваясь и разлетаясь, — создавал что-то новое, необычное, но необходимое.

Вопрос же, своим появлением открыв море возможностей, стал выбирать — какими путями двигаться в условиях задачи.

Пути привели к зеркалам.

Зеркала сказали, что сначала существующее и отражённое, освободившись от собственных зеркал, должны встретиться воочию, — и настроилось на свет.

Свет, пронизав лучом времена и поверхности, из сил, узоров очертаний и пустот родил *Слово* и одухотворил его...

Человеку оставалось «всего-ничего» — научиться быть им. И человеку было дано.

Но, прошли века и века...

Человек не сумел сохранить и приумножить силу, вверенную ему. И вглядываясь в зеркало слова, он не находит в нём сходства с собой, со своими желаниями. Только массив отдельных отражений и паутина отдельных же (ненужных, несвоевременных) неживых мыслей. В отчаянном красноречии он только усугубляет противостояние.

Слово, печально вглядываясь в человека, видит невнятный и настойчиво повторяющийся спектакль.

Зеркала в удивлении. Но им не интересны притворство и напор. Им необходимы соответствия времени. Так

пути получили новые условия задачи и новый *вопрос*: как оживить слово и стать им?

Ответ: конечно же, приняв *образ*

Любви и став ею. Что значит: проявить себя в мире качеством вечно меняющейся жизни.

МАСТЕР ДНЯ

Заполнен суетой и каламбуром, обрывками теней
и вдохновений,
шуршанием и перезвоном цветных неровных
граней битого стекла,
беззвучными пустотами волнений о будущем,
о прошлом сожалений,
и солнечными пятнами неуловимых зайчиков
истёкшего тепла.

В раскачке торжества взрывных и ярких красок,
речи тихой глади,
соединяются и рассыпаются на доли, части,
на фрагменты, на песок
неузнанные карты-прописи судьбы в живой
пророчества тетради,
и выбрать, угадать и обрести свои из бесконечного
калейдоскопа строк
возможно только отдаваясь без остатка
и самообмана провиденью.

Оно *меняет* нас на каждом перекрестке, переходе
света переливом.

И путанные записи корявых толкований разума,
подобных сновиденью
преображаются, и промыслом в узорах дня твоя
дорога проявляется незримо.

ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ

Невидимые рассветные звезды стекают каплями времени
в спящее царство:

в шершавую прохладу песка,
в сурово-зеркальное волнение,
во влажное движение листвы,
в ледящий душу скрежет,
в бездыханный сквозняк замерших городов,
в не ограненные новым днем сознания.

И в рождающемся диалоге неба и земли начинается подчи-
нение закону существования:

из песка испаряется ночь и соленый, холодный хруст пре-
вращается в приветливое шуршание;

волны, пронзённые светом, начинают веселый переплеск;
зеленые массивы полнятся пением, голосами и звуками;
бриллиантовым мерцанием оживает белый цвет;
в бетонных муравейниках начинаются копированные тело-
движения в поиске своей колеи;

сознания встраиваются во вчерашние сюжеты событий;
пробужденные начинают распознавать бытие и небытие.
Знающие открывают новые горизонты и мерности
и сами сияют звёздами, осуществляя живую реальность.

ЗАЧЕМ-ТО

Зачем-то от меня отказался закон гравитации...
Потеряв привычное притяжение земли,
болтаюсь в безвоздушной странной абстракции,
перебирая, как четки, прошедшие дни.
Дыханием молитвенного молчания и слова
расправляю только что родившиеся складки,
и на ткань бытия снова нанесена дорога,
условия задач, вопросы и судьбы загадки.
И, как отчаявшийся зверёк в спасительной норке,
скулит и ноет душа, зализывая раны,
и, то подглядывая в щель, то прячась за створки —
накапливает свет и микроэлементы океана.

ВГЛЯДЕВШИСЬ

На древе жизни нет ветвей лишенных жизни.
Не приживается ни зло, ни фальшь
на древе всепобеждающей любви
и бескорыстной, кроткой воли.
На нем цветёт и плодоносит торжество, победа,
волшебство.

Под деревом таким найдёшь защиту
от дождя и обжигающего солнца,
в ветвях живущие облагородят слух и душу.
И в глубину его взглядевшись,
постигнешь мироздания красоту.
Но, только завершив намеченное восхождение
ты разгадаешь тайну предопределения.

СТЕПЕНИ ОБНУЛЕНИЯ

Парадокс-видение

Ты много пережил и понял, многое теперь умеешь.

Теперь бы жить!

Но понимаешь, что

ничто не радует, не чувствуешь себя —

покрыта изморозью оболочка Тела!

И с каждым шагом раздается гул.

Стоять — небытие. Движение — раскол, и, то же...

Вопросов

новых шквал освободит твой путь.

И пусть теперь ты ничего не знаешь снова. Забыл. Как будто вышел «ниоткуда», нет основы...

А дальше: по пескам, по преткновения камням — до новой водной глади

идешь и учишься перемещению себя в пространстве
теперь без всякой помощи извне.

Ты научился страсти, уходить, и «возлюбил». Но внутреннее око

чуть приоткрыто и сил нет наблюдать — а ведь уже

увита изморозью оболочка Сердца.

И сквозь неё не проникает свет.

Толчки уставшей плоти бьют, как звон колоколов.

Дышать — небытие. И нет без вдоха жизни.

И только

взрыв души освободит поток...

Ты снова удивлен и беспокоен, слаб, бесполезен, будто болен, немощен, и, не родившись — стар...

Но ты умеешь петь, как соловей, и молвить виртуозно, скоро, но...

в завесах изморози оболочка Слова...

Попытка вырваться наружу порождает боль.

И мысль невысказанно бьется в невидимые прутья клеток схем,

но тщетно, ей не удастся преодолеть запретных тем.

Условий и табу не взломаны засовы.

Молчать — небытие. А прежние слова — рассыпаны, как лёд: на камни, пыль...

Но всё еще пытаются осколки вобрать в себя души

былой полёт и вековую сказку-быль.

«Спаси нас Бог!» — а недостаток сути показало Время...

А, значит, обнажился недостаток жизни, пустота.

Но, только в новом хаосе спасение твоей вселенной, а пока

застыла в изморози оболочка Мира

для нового распада и порядка.

Для тебя,

и только.

ВИДЕНИЯ

Я начинаю бесконечно длинный,
беспокойный день
после такой же длинной, беспокойной ночи...
Пытаюсь двигаться, бежать,
но невозможно —
я и здесь сама себе мишень!
А от себя так просто не укрыться,
между прочим...
И не унять видений ни во сне, ни наяву,
и незачем пытаться распознать:
произошли они или намечены?
Не сразу даже
их сама понять могу.
Но знаю — так
мои пути прочерчены.

ИМЯ ОСУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Снова, как в незапамятные ветхозаветные времена, но небывалой ранее густоты, ширины и силы пролился поток света на землю. Пронзил ледники, океаны, горы и ушёл дальше, в космос.

Образовавшаяся внутренняя поверхность постепенно оправлялась от ожога, и, проходя все стадии восстановления, возрождала себя прежнюю. Но прорастала, как молодая трава сквозь прошлогоднюю, новью.

А жизнь, использовав единственную возможность вырваться из порочного круга повторов и испытанного, (*«в момент перехода, смятения — найти в хаосе необходимые себе соответствия, и вобрав их в себя — усилием воли дать новый толчок»*), сделала это. И смогла сама себе задать новое направление.

Потом новое, как более и жизнеспособное и способствующее жизни, стало руководящим, ментально «перевесило» и однажды *«всё изменилось вдруг, (как) при последней трубе»*.

Произошло это, как описано пророками «мгновенно». И никто ничего не заметил, кроме самих пророков. Но жизнь — отношения, возможности и течение времени стали непонятными, другими. А это заметили все.

Так проявилось духовное движение — обновлением форм, появлением невиданных ранее свойств и новыми именованиями.

СКАЖИ МНЕ СЛОВО

Скажи мне слово языком
проникновенным,
острым, странным,
цветистым, диким, неподдельным,
занятым, тайным и коварным..!
Я им дышать желаю.
Пить его. Прикладывавать к груди.
В его одеждах и уснуть хочу и пробудиться.
В его сетях, как рыбка золотая биться.
В его ночи звездой взойти!
И богоданным алгоритмом
в полёте восхищенно-колоритном,
тебя порадовать хочу я тоже —
живым творящим словом Божьим...

Живое зеркало сгущенной суеты

однажды с удивлением взглядевшись
в простой текущий день поднадоевший,
вопрос издало: «Где здесь я, где — ты?»
И, слово, изреченное во все октавы,
переливаясь, слушая себя несмело,
задумало соединиться с миром целым,
но как понять, что — ложь, что — слава?
Встав на крыло, расправив мысли,
рассматривая свыше черно-белое кино,
себя прошедшего там опознало. Вот оно...
И грянул новый глас (не тот же,
сегодня и вчера — не есть одно и тоже)
«Спаси и сохрани и обнови меня, о, Боже...!»

ВОЗМОЖНО

Снова снята защитная маска.
Испаряется кожный покров
и живой стих, растворённый в обнажённой душе
перетекает в другую систему мер.
Найдёт ли родственную душу, соответствие?
Признает ли мир, переполненный информацией,
и его
как свою часть?
Разгадает ли глубинную связь с ним?
Тогда, возможно,
слово сможет оставить не только след
и дать ответ на безотчётно завуалированный
вопрос,
но и наделит силой.
Того, кто ищет эту силу.

«ШКАТУЛКА С ДРАГОЦЕННОСТЯМИ»

Забавляясь собственными домыслами, как дитя своими погремушками, наполняешь грохотом и шорохами бытия тончайшие вибрации, излучающие красоту, гармонию...

...и тогда твоя «шкатулка с драгоценностями», и фамильными, и только что отлитыми, оставаясь без глубокой тишины и созерцания, засыпается песком доне'льзя, доверху. Не пробиться сквозь него сиянию мудрости.

И существует-пребывает забытое богами сновиденье, без принятия-отдачи, силы воли, возрождающей любви и дерзновенной речи, не раскрытое навстречу, не глаголящее сутью.

Остается нам надеяться на ищущих, кто всем сердцем тянется за истиной, и, вопреки земной удаче, почестям, отдаются предназначенному полностью! Лишь бы звезды неба, отражаясь от сердец, сияли.

И сияют: и рубины, и топазы, жемчуга, сапфиры, изумруды! Создают из света, излучения души и слова — мир, наполненный эмоциями жизни. Да поможет Бог искателям таких сокровищ!

Печали не сотрешь со всех спиралей ДНК —

Тогда откуда радость будем добывать,
Где взять для жадного огня нетлеющие угли?
Для обжига сердец они трепещут, не затухли...
Кому дано познать в душевной боли благодать —
Тот сможет проигравши — обладать.

ВОСШЕСТВИЕ

Вьюгой стало тихое паденье снега.
Тишь сменило завыванье —
это мысль забеспокоилась в известном.
Слог здесь будет не совсем уместен.
Музыка должна звучать в изречьи...

ТОЛЬКО И ОСТАЁТСЯ

Раскачиваюсь.

С каждым взлётом выше, в невесомость,
где прошлое, настоящее и невозможное
сплетаются в необжигаемое подобие пламени,
трепещущее неустойчивыми образами...

Но никакие усилия воли не срабатывают,
чтоб остаться на каком-то переходе дольше,
чтоб ещё побыть, ещё понять, ещё запомнить...

И, долетая до пределов мнимо подвластного
на качелях воспоминаний и желаний, —
обозреваю.

Только и остаётся..!?

ПОД САМЫМ КУПОЛОМ

Господи и все святые и грешные!
Взываю ко всем, потому что не знаю —
кто так «постарался»...

И пока я не различаю захлестнувших чувств,
они смерчевыми восьмёрками кружат всюду
и поднимают, закатанные в асфальт
мечты, обиды, надежды, и весь
пульсирующий объём настоящего;
а я... старательно, балансируя на непрочной,
под самым куполом, перекладине пытаюсь
во всём этом разобраться и понять...
Но что в этом хаосе можно увидеть?!

— Только самое важное:
то, что происходит в эту секунду.

Задыхаясь обессилено

ничем не обезболено —
обозначив грань невысказанного
раздвигаю круг дозволенного.
И безмерное загадочно
переписываясь сказочно,
открывает обозначенное,
бесконечно упорядоченное.

КАЛИНА ОБЫКНОВЕННАЯ

KAJINHA OBLIKHOBIYAR

1. KAJINHA OBLIKHOBIYAR

2. KAJINHA OBLIKHOBIYAR

3. KAJINHA OBLIKHOBIYAR

4. KAJINHA OBLIKHOBIYAR

5. KAJINHA OBLIKHOBIYAR

6. KAJINHA OBLIKHOBIYAR

СВИДЕТЕЛИ ЕГО ЖЕНЩИНЫ

Знаю и таких, с душой как лишнее, обуза. Не говорят — про-
износят. Не смотрят — сквозят холодным глазом. Но не о них
речь.

Есть другие. Они — несут и ответственности груз и власти
этой атрибут — невидимое сияние. Они — то беззащитны, то
восторженны, то сумасбродны, то настойчивы — земные мадон-
ны. Они умеют в этой жизни невозможное — воскресать себя
и своё мироустройство.

И никому не открыта цена этого, как никому не открыты
внутренние врата каждого личного государства (довольствуй-
тесь, временные приближённые, малым...)

Но иногда случается непредвиденное. Забыт, не задёрнут
занавес... и тот, кто оказался рядом в момент истины, тому и по-
счастливилось стать свидетелем Его скрытого мужества — жен-
щины.

Я ДОЛЖНА БЫЛА БЫ

Для Н. Долгополовой

Я могла бы стать убежищем
раздирающему свою душу одиночеству...
Я могла бы стать хранилищем
всех невысказанных тайн и горестей...
Я могла бы стать чистилищем —
оживить слезами обожжённое...
Я могла бы стать судилищем —
присудить любовь и счастье «наживо»...
Я могла бы стать пристанищем
и принять...

Это слово нежно отозвалось в сердце.

Прежде всех других произнеслось младенцем.

Улыбнуться заставляет каждого на свете,
наполняет смыслом жизнь на всей планете.

Это слово солнцем восходящим греет,
ветром переменчивым по макушке веет,
наполняет душу силой и любовью,

укрывает тёплым пледом на зимовье,
окружает лаской, гладью шелковистой,
орошает горной свежестью игристой.

Это слово знает, где стелить соломку,
где поплакать вместе, рассмеяться звонко.

Может незаметно подложить конфету,
совесть потревожить и призвать к ответу...

...Годы кораблями в плаванье уходят —

Мамы взгляд защиту ищет в небосводе!

Ничего не просит для себя, земного —
только детям. «Боженька! Береги родного».

КАЛИНА ОБЫКНОВЕННАЯ

Детскому дому «Калинка»

Ягод горсть в ладони лежит, переливается,
но каждый, кто пробует, очень удивляется:
красный цвет – поспела... Отчего же только
посмотрела – сладко, пригубила – горько?!!
Как найти вторую жизни половину –
спелую и сочную ягоду-малину?

А МОЖЕТ БЫТЬ...

Участникам военных событий

Им достались непростые времена.
Сами их они не выбирали.
Кто-то должен был, испив до дна
горечь грозных лет и все печали,
оставить миру только мир. И жизнь.
В рассветах — буйство трелей птичьих,
в днях приходящих — будущего бриз,
в ночах, сверкающих от звезд — величье.
И благодарность наша, как ответ души,
что гладь озерная и ветер сложат,
наполнит пусть сердца, уставшие в пути,
даст силы жить. Даст силы быть! А может...
...быть, не ведая о том сейчас,
они их сами, сердцем выбирали —
чтоб жизнью, верой утолить для нас
на этой праведной земле печали...

ГВАРДЕЙСКАЯ ЛЕНТА

Война не кончается. Она рубцуется:
каждый вдох — рана. Каждый выдох — спайка.
Каждый взгляд — в чёрную глубину боли.
Каждая слеза — рыжий кислотный поток,
выжигающий имена на теле души.
Каждый сон — провал в преисподнюю
и пробуждение — преодоление и прыжок выше
самого себя,
и каждое мгновенье — бесконечность, зажатая
в кулак,
и каждый удар сердца — удар взрывной волны
и — разлетевшиеся красные и белые кровяные
тельца,
из поколения в поколение передающие память
о праве на мирную жизнь.

АНУШ ВАРДАНЯН ВОЙНА

Подстрочник с армянского Наиры Симонян

Я стала похожа на слепую,
Остальные органы чувств обострились,
Слёзы текут тихо,
Мир словно слепец,
Только он непричастный и
Толерантный...
Пилат Понтийский очень
Чистоплотный-
Он всегда моет
Руки...

**Маргарита Сладкова
Вольный художественный перевод**

Остекленевший взгляд души пронзает
окаменевшую от горя мирскую бездну.
Терновой вязью плоть окутана под кожей.
Но сердце взрывами орудий дышит, слышит, видит,
говорит...
Бесшумно с гор бегут в прожжённых бороздах
солёные ручьи...
А мир, — слепец, — всё это отказался видеть,
прикрывшись непричастности вуалью..!
Но руки чистоплотного Пилата омыты
Кровью...

Отжившие соединения

зачищаешь и спаиваешь для устранения
внутриутробных остатков потерь,
разбегающихся под пристальным взглядом.
Но хватит ли умения и времени...
Вопрос сопряжения силы и духа.
Но соедини зачищенное с памятью о своих
 победах
и властью над собой.
И оживёшь.

КЛУБОВ

ПЕРЕСОРТИЦА

Двадесет и пет години след като в първата книга на този сборник е описана историята на първата пересортица в България, сега е време да се разкаже за историята на втората пересортица в България.

Втората пересортица в България е резултат от политическите промени в страната и от необходимостта да се осъществи реформа в стопанството. Това е процес, който започва да се осъществява през 1990 г. и продължава до днес.

Втората пересортица в България е резултат от политическите промени в страната и от необходимостта да се осъществи реформа в стопанството. Това е процес, който започва да се осъществява през 1990 г. и продължава до днес.

Втората пересортица в България е резултат от политическите промени в страната и от необходимостта да се осъществи реформа в стопанството. Това е процес, който започва да се осъществява през 1990 г. и продължава до днес.

КЛУБОК

Басня

Витая в облаках на mail.ru в скоплении разнузданных иллюзий, изменчивый обмысленный клубок вдруг захотел пожить, как люди и, спрыгнув на извилистую серенькую ветвь, гнездиться стал для этой жизни набирая вес и форму.

Оседлое сознание подсовывало темы: тут ценят золотые слитки, алкоголь, не очень обременительные биосвязи, но ты постой, не торопись — без веса и полезных отношений среди подобных, выпадешь в осадок, дождём просыпешься (или просыплешься), не важно, в общем испаришься.

И чудо-клубок пристроился. Вертеться. Но получалось всё вокруг своей оси, ну, чуточку, как в сказке «Колобок» случалось пробежаться... Вот так и завертелся среди *зацененных* пристрастий — то колобком кружась, то убягая лесом, за собой хвостом следы шлифуя.

Так это я о чём?! Фильтруй, что в голову свою впускаешь. Иначе проживёт тобой любое неживое.

«ОКЕАН ЭЛЬЗЫ»

Вдруг вышла. Из своих высот и недр. Как взмах ресниц — волшебным ветром колыхнуло и...

Она уже не здесь. Ни с ними, ни с собой, ни с кем, ни с чем, что было так знакомо и понятно и казалось прочным, а теперь...

Теперь, слетающие с мятого истоптанного пышного подола, её уже не слышат. И, бесцельные движенья среди волн «не сдавшихся без боя» в океане Эльзы, ставшей лебедино одинокой, все превращаются в руины, оставленные вдруг освободившейся душой...

А в заготовленном пространстве тоже путник, тоже выброшен вовне, и может быть могло бы всё ещё случиться, но она...

Она предпочитает оставаться океаном.

Экзотики безумный стол:

цветки хуанхуа, фошоу корешок, побеги маша,
мочёный папоротник, бамбук и рамбутан —
не наша каша.

Кивано и кумват, звездчатая карамбола
и тамарилло —

чем непривычнее звучат — тем больше пиетет.

Так мило! Не важно, что желудок вопиет,
погружаясь в анестезию иных культур

с удалёнными турами, с причудливыми натурами.

Такой же речевой поток — заполнен до краёв,
без меры

заимствованиями и вдоль и поперёк.

Без философии на три бокала, чили (для принятия
вовнутрь),

едва ли эти прелести заморские возможно
потянуть,

особенно впервой... Перчи-не-перчи — трава
травой.

А к слову, с ними могут спорить ша'ньги, выпечка
с вязигой,

калитки, цамба, суугудай и позы,

варенья из сосновых шишек и дикой розы.

«ЗА КУЛИСАМИ»

*По мотивам картины А. Курникова
«За кулисами» 1996г*

Зубрят, отряхивают, примеряют, прилаживают.
Не узнать, не понять, не успеть угадать кто рядом.
Переделявают, перекраивают, сшивают,
разглаживают,
равнодушно-послушно скользят вокруг взглядом.
Отлетают, стираются с кожи, но не вытравить маски.
Бледных черт оживление свыше пока
не предвидится.
Вяло движется тело, замыленный глаз, гримаска...
Ничего не изменится, не перепишется, с места
не сдвинется.
Перпутаны, сломаны, перлицованы, настроены
заново,
аккуратно зачеркнуты, начисто все переписаны.
Безнадёжно заучены роли времён адамовых
и притянуты за уши, и причесаны, и прилизаны.
Пресловутым маршрутом на крашенную-
перекрашенную...
Темы не тронуты временем,
не трансформированы...
А цепкие взгляды статуй живых, принаряженных
пробуют мысли на вкус свободные,
неангажированные..!

«ОСЕНЬ ХУДОЖНИКА»

*По мотивам картины А. Курникова
«Осень художника»*

1

Заложник судеб, текстов, оваций, сыплющихся отношений и чужих мыслей, без гендерной принадлежности, без лица и без объёма лёгких, — счищая вместе с краской ткань своей жизни, аккуратно, минуя плывущие декорации, — ступает на асфальт. И, пробуя на ощупь воздух, ночь и запахи, перемещается скольльзящим шагом... Рой мыслей шлейфом следует за ним, обгоняя, пытаясь занять всё его место... Он в отчаянии хватается за неизвестной прочности ниточку, чувствуя, что выбора нет, только она... Оно... Желание. Надо отыскать ещё хоть одно собственное желание! И прожить его. Прямо сейчас.

2

Аплодисментов солнечные выбросы,
неравномерный шлёп, шуршание.
И вот — последний задний ход
за бурно-бархатное зазеркалье.
И гул меняется на оглушающую тишину
и барабанный бой сердцебиения
до заклинания взхлёб,
до отрезвления,
до оголённых проводов,
до узнавания,

до удивления до слёз,
до ожидания освобождающих чудес и тихих
выводов...

До одиночества.

До боли вымотав...

«ДОЖДЬ ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ»

*По мотивам картины А. Курникова
«Дождь после премьеры»*

А после — никого и ничего....
Корона, шёлк, парча, пажы — мираж.
Осело, испарилось волшебство
и только в памяти живёт кураж.
Чужих эмоций плащ — с плеч. Вниз.
На оголённом сердце пустоты груз.
В безлюдном городе ночных реприз
дождь исполняет женский блюз.

«ЗАЗДРАВЬЕ!»

По мотивам картины В. Губарева
«За здоровье Всех»

Куда бы взгляд ни брошен был,
он будто что-то говорил,
искал и пел, с душой общался,
так, в одиночку прохлаждался,
скользил по сказочным рекам,
с вороной местной ворковал
и от рассвета до заката,
как ангел белый вековал...
С соседом веком поравнявшись,
с прошедшим временем обнявшись,
два взгляда будто обнялись
и по всему видать, сошлись
дорогой, делом, убежденьем,
словесной формой, рассужденьем...
Теперь блуждают в зазеркалье
два взгляда после возлияния...

НАТЮРМОРТ

На самом деле всё чуть-чуть не так...

Линейно выстроены в ряд: «Запретный мир»,
короны, розы, как быстротечность бытия —
белянка, питание для тела и ума, но главное —
флаконы иссиня-чёрного стекла.

В них — тайна за семью ночами.

При свете дня не очертить своих границ,
не рассмотреть в спящей круговерти свои
правдивые и лживые шаги, и даже в призрачной
кромешной тишине себе признаться
не желаешь,
что снова синюю таблетку выбираешь...

*По мотивам картины «Шаманка»
Н. Лобзовой*

Он что-то сказал... И улыбка блуждала.
И звуки к словам подошли безупречно.
Всё было «оле!» Но она уже знала.
и слово — враньё, ну и чувства, конечно.
Совицей летела, как в свет пресловутый,
горячей волной общигающий перья.
А глаз — он и так на свету не помощник,
в чувствах земных — так совсем не уверен...
Но сердце вещуньи живёт по законам!
Любовь-не любовь... это девичьи бредни.
Судьба снизошла этим светом к бутону.
И хочешь-не хочешь... участи предан.

Путаемся интересами, заботами, адресами.

Отражаемся речью, молчанием, именами.
Без расчётного времени, потерявши счёт соснам,
зablуждаемся, вертимся, умножаем вопросы.
Бес бессонья неистово исполняет пересортицу.
Тычет пальцем в небо, угрожая, меняет лица.
Мутит воздух над картами мира, Таро, натальными.
Пишет заповеди поддельные вилами, банальные.
А всего-то — дожидаться растущего часа
рассветного,
Выстроиться сообразно: характерные —
беспредельные,
и, отписавшись от назойливых агентов
по недвижимости,
выбрать — так куда же, сейчас: идти, лететь, грести.

НАУТРО

1

Наутро (с ночи) мной заказан кофейный праздник
для души;
под звуки города в открытое окно
и бередящий терпкий дух всплывают наводящие
вопросы
о том же, для того же и для тех...
Важней, но проще не бывает. По крайней мере,
этим утром...

2

Из сна остался контур дома.
Пугает фундамент ртутной поволокой.
Свои границы узнаю как грани шафранного
сапфира...
Конечно, я искусный мастер законов
и ограничений —
забиты сваи, встал устойчиво каркас,
вползает, возводясь, коробка на золотые отблески
мечты
и явная подмена удивляет не скоростью своей,
а смыслом:
что кроме, собственно, своей —
не существует других строительных площадок.

ОБ АВТОРЕ

МАРГАРИТА СЛАДКОВА

Родилась 25 октября 1963 г. в г. Запорожье, в Украине.
В Сургуте с 1981 г.

В литературном объединении «Северный огонек» с 2012г.

Дипломант 2-го литературно-творческого конкурса «Сургут – судьба моя».

Участник окружных семинаров молодых писателей в г. Ханты-Мансийске.

Автор поэтического сборника «Поле совместимости или игра слов»,

сборника поэзии и прозаических миниатюр «Вишня с бренди» в сотворчестве с П. Черкашиным.

Имеются публикации в местной печати: «Сургутская трибуна», «Нефть Приобья», газете сургутской организации журналистов «Мы вместе»,

в двуязычной газете «Амшен литературный»,

в альманахе городского общественного фонда «Словесность» «Сургут литературный»,

в коллективном сборнике литобъединения «Северный огонек» «Созвучия и контрасты»,

в литературно-художественном и историко-краеведческом альманахе «Врата Сибири».

OPTICAL

DE ADITIOE

OPTICAE CLASIFICATIO

Opticæ classificatio in tres partes dividitur. In prima de lumine et eius proprietatibus tractatur. In secunda de visibilibus et coloribus. In tertia de oculi structura et functione. Hæc sunt optice præcipua. Opticæ præcipua sunt: I. De lumine. II. De visibilibus. III. De oculi structura et functione.

I. De lumine. Light is a form of electromagnetic radiation that is visible to the human eye. It travels in straight lines and is reflected off surfaces. The speed of light is approximately 300,000,000 meters per second. Light can be refracted when it passes from one medium to another, and it can be diffracted when it passes through a narrow slit. Light is also polarized, which means that its vibrations are confined to a single plane. The spectrum of light is continuous, ranging from violet to red. The human eye is sensitive to light in the visible spectrum, which is approximately 400 to 700 nanometers in wavelength.

II. De visibilibus. The visible spectrum is the portion of the electromagnetic spectrum that is visible to the human eye. It is a continuous spectrum of colors, ranging from violet to red. The colors in the visible spectrum are: violet, blue, cyan, green, yellow, orange, and red. The wavelength of light determines its color. Shorter wavelengths correspond to higher frequencies and are perceived as blue or violet. Longer wavelengths correspond to lower frequencies and are perceived as red or orange. The human eye is most sensitive to light in the yellow-green region of the spectrum.

III. De oculi structura et functione. The human eye is a complex organ that allows us to see. It consists of several parts: the cornea, iris, lens, retina, and optic nerve. The cornea is the outermost layer of the eye, which refracts light. The iris is a muscular structure that controls the amount of light that enters the eye. The lens is a biconvex structure that focuses light onto the retina. The retina is a layer of light-sensitive cells that convert light into electrical signals. The optic nerve carries these signals to the brain, where they are processed into visual information. The eye also has a protective layer called the sclera, and a fluid called vitreous humor that fills the interior of the eye.

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Деление сердец на капли...»	4
ВРЕМЕНА ГОРОДА	9
«Новых признаний...»	11
«Я этот город...»	12
«Занесённый мёрзлым сахарным песком двор...»	13
«Камень. Стекло. Обезличенный блик...»	14
Потоки	15
Апрель, — 16	16
Времена года по-сургутски	17
Прошлогодний снег	20
Любопытство	21
БОЛЕРО	23
Ночь-в-ночь	25
Тайное сияние Пандерозы	26
«Дважды утро...»	27
«Прошёл в себе...»	28
Без вариантов	29
«Вписаться...»	30
Постфактум	31
Только спорт	32
«И взгляд обманчив чаще, чем правдив...»	33
Болеро	34
«Погружаюсь в бесполезный блеск...»	35
«Растаяла опустошенность истончённых мыслей...»	36
«Пусть невозможно сложно согласиться...»	37
«Обломки...»	38
Я-отражения	39
ИМЯ ОСУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ	41
Пред сказанием	43
Мастер дня	44
Порядок вещей	45
Зачем-то	46
Вглядевшись	47

Степени обнуления	48
Видения	50
Имя осуществительное	51
Скажи мне слово	52
«Живое зеркало сгущенной суеты...»	53
Возможно	54
«Шкатулка с драгоценностями»	55
«Печали не сотрешь со всех спиралей ДНК ...»	56
Восшествие	57
Только и остаётся	58
Под самым куполом	59
«Задыхаясь обессилено...»	60
КАЛИНА ОБЫКНОВЕННАЯ	61
Свидетели Его женщины	63
Я должна была бы	64
«Это слово нежно отозвалось в сердце...»	65
Калина обыкновенная	66
А может быть... ..	67
Гвардейская лента	68
Ануш Варданян Война	69
«Отжившие соединения...»	70
ПЕРЕСОРТИЦА	71
Клубок	73
«Океан Эльзы»	74
«Экзотики безумный стол...»	75
«За кулисами»	76
«Осень художника»	77
1	77
2	77
«Дождь после премьеры»	79
«Здравье!»	80
Натюрморт	81
«Он что-то сказал... И улыбка блуждала...»	82
«Путаемся интересами, заботами, адресами...»	83

Наутро	84
1	84
2	84
Об авторе	85
Маргарита СЛАДКОВА	85

Мargarita Сладкова

Болеро

...наконец-то натыкаюсь на себя на кончике резца –
в начале собственных интерпретаций
в божественном безумстве выбранного варианта

ISBN 978-5-0050-6880-4

9 785005 068804 >